
«МЫ БЫЛИ В ШОКЕ»: СОВЕТСКИЙ ПЛЕН И ИНТЕРНИРОВАНИЕ КАК СТРЕСС АККУЛЬТУРАЦИИ (1)

Н.В. Суржикова

Институт истории, археологии и этнологии
Уральское отделение РАН
ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, Россия, 620026

Данная статья основана на таком виде источников, как воспоминания, посвящена социокультурным аспектам проблемы советского плена и интернирования. Автором анализируются проявления культурного шока или стресса аккультурации, ставшего следствием непосредственного контакта военнопленных и интернированных с инокультурной средой, а также механизмы и пределы их адаптации.

Ключевые слова: воспоминания, военнопленные, интернированные, культурный шок, стресс аккультурации, психологический дискомфорт, адаптация.

Вплоть до конца XX в. продиктованная политико-идеологическими императивами установка на стерилизацию прошлого страны надолго превратила советский плен и интернирование в маргинальные темы, имевшие негативную маркировку в общественном сознании и исключенные из поля зрения профессиональных историков. Активная проблематизация данной тематики, произошедшая за последние десятилетия, породила внушительную историографическую традицию и вместе с ней — дезориентирующую иллюзию того, что научный поиск в этом направлении близок к завершению. Однако даже поверхностное знакомство с трудами отечественных авторов показывает, что специальные исследования, сфокусированные в основном на изучении политической истории советского плена и интернирования, практически обошли стороной их составляющие культурного свойства.

Плен и интернирование, в основе которых лежит принуждение и подавление, что априори предполагает объектность военнопленных и интернированных и ограниченность их социальных возможностей, безусловно, трудно воспринимать как открытый креативный диалог различных культур. Вместе с тем и плен, и интернирование — не просто изнанка войны, это еще и опыт открывания и познания чужого, сохранившийся в непосредственной — «оперативной» — памяти ее участников. Такая постановка вопроса позволяет аттестовать советский плен и интернирование как новую для обезоруженных солдат противника и гражданских немцев социокультурную реальность, погружение в которую было неизбежным. Легко предположить, что резкая смена обстановки дезориентировала людей, превращая окружающий их мир в мутный и расплывчатый. Стрессогенное воздействие инокультурной среды на пленных и интернированных обретало, в конечном итоге, все те характеристики, которые в 1960 г. были агрегированы американским ученым К. Обергом в понятии «культурный шок» (culture shock) (2). Пренебрегая теоретико-методологическими интерпретациями культурного шока, выработанными западной культурной антропологией и значительно концептуализированными

впоследствии кросс-культурной психологией (3), отметим, что в случае с военнопленными и интернированными это состояние обнаруживало себя практически сразу, и даже в написанных спустя десятилетия воспоминаниях бывших узников системы УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР (4) его приметы хорошо различимы. Симптомы культурного шока, или стресса аккультурации, воспроизведены, в частности, в мемуарах бывших австрийских военнопленных Йозефа Пехмана и Армина Шейдербауера, немецкого солдата Вили Биркемайера и личного пилота А. Гитлера генерала Ганса Баура, интернированных Хорста Герлаха и Хильды Раушенбах, вынужденное путешествие которых в СССР сопровождалось остановками в различных лагерях и рабочих батальонах (5).

Первым проявлением культурного шока у пленных и интернированных стало потрясение от столкновения с чужим языком, а также незнакомыми мимическими и пантомимическими кодами, которые использовались носителями русскоязычной лингвокультурной общности. Так, И. Пехман и его товарищи по несчастью, впервые услышав в день своего пленения, 2 мая 1945 г., русское «давай, давай!», ставшее по признанию всех героев нашего повествования главным символом неволи (6), не сразу поняли суть адресованных им слов, приняв их за прозвучавший на австрийском диалекте приказ «вайтер, вайтер!» (7). Но непонимание чужого наречия, как выяснилось позже, было лишь верхушечным признаком лингвистического шока. Он также выражался через состояние удивления и смущения, которое возникало, когда военнопленные и интернированные улавливали в русской речи то, что на их родном языке звучало странно или неприлично. Неожиданные «трудности перевода» И. Пехман описывал таким образом: «Смех у русских вызывало мое имя, когда один из моих товарищей называл меня вместо Йозеф — Лурр. Для немцев это звучало обычно. Сначала мы не знали, что обозначает этот смех и ухмылки, пока одному из нас не пришло в голову, что у русских с такого же слова начинается ругательство «...твою мать». Оказывается, в этом-то и было все дело» (8).

Обценная лексика, присутствовавшая в разговорной речи русских, поражала воображение пленных и интернированных не только своим обилием. «...Непостижимо, как только люди вообще могли придумать такое! — восклицала Х. Раушенбах. — Вот только одно из ругательств, которое я припоминаю: в нем требуется в самых вульгарных выражениях заниматься развратом с Божьей Матерью!» (9).

Очевидно, что концентрические круги привычных языковых — и не только языковых — ассоциаций здесь не срабатывали, поскольку другой язык изначально предполагал другие ассоциации. Вместе с тем при всей очевидности этнодифференцирующей функции языка открытием для военнопленных и интернированных стало то, что бытовавшая в немецкоговорящей среде традиция называть всех русских Иванами имела русский аналог. Выяснилось, что русские считали всех немцев и австрийцев Фрицами (10), тем самым облачая стереотипы национального сознания в особые вербальные знаки, используемые в сфере реальной коммуникации и сейчас.

Другим источником культурного шока у военнопленных и интернированных очень скоро стали новые для них климатические условия, и прежде всего суровая

русская зима, которая представлялась тем суровее, чем хуже оказывалось питание и непосильней работа. Поэтому Россия в представлении многих так и осталась заснеженной безлюдной равниной или в лучшем случае дремучим лесом, населенным медведями и комарами. По мнению Х. Герлаха, русские сами чем-то напоминали медведей, а что касается комаров, то они стали для него и его «солагерников» настоящим испытанием: «Чудовищно кусаясь, они атаковали нас волна за волной, пытаясь выпить последнюю каплю крови из наших заморенных тел». И далее Х. Герлах рассказывал о «повадках» неведомого «зверя» так, как будто говорил о чем-то действительно редком и диковинном: «В основном они нападали на руки, ноги и головы, высасывая кровь. Единственной отрадой было то, что комары не различали, кто какой национальности, и набрасывались на всех без разбору» (11).

Удивление у гражданских пленных, то есть интернированных, доселе не бывавших на территории СССР, помимо всего прочего, вызывало гражданское платье, в которое были облачены советские женщины и мужчины. Картина русского вокзала, увиденная из окна вагона, поразила Х. Раушенбах именно «нарядами» публики: «Все женщины носили большие платки, закрывающие головы и плечи; у мужчин на головах были меховые шапки с опущенными ушами... Мы смеемся над этим, позже для нас становится привычным такой вид» (12). Шляпы, галстуки и другие западные аксессуары были редкостью даже в Москве, через которую проследовал эшелон с Х. Герлахом, а русские женщины, по его мнению, одевались слишком скромно, не стригли волосы и не пользовались косметикой (13). Сын среднестатистического фермера не уставал удивляться всей этой экзотике, заметив мимоходом и то, что, в отличие от «цивилизованной» Германии, в России «по закону запрещалось загорать в голом виде, без купального костюма» (14).

В числе шокировавших пленных и интернированных факторов далеко не последнее место заняла русская кухня, точнее, кухня советская, а если уж совсем точно — лагерная. В дороге на Восток, голодной и долгой, состоялось первое знакомство пленных и интернированных с сухарями, которые зачастую были их единственной пищей в течение нескольких дней. «Это такие твердые, как камни, остатки хлеба, — объяснял в своих мемуарах И. Пехман. — В них было одно преимущество: их можно было долго держать во рту, и от этого возникало чувство, что желудок наполняется» (15). Судя по емкому и с точки зрения русского человека избыточному описанию, немецких или австрийских сухарей в природе не существовало, а, возможно, где-то не существует и по сей день, учитывая, что во многих странах Европы нормой считается подача к столу свежеспеченного горячего хлеба.

Русский хлеб и в самом деле оказался совсем иным, нежели продукт с тем же названием на родине. Если Х. Раушенбах коротко характеризовала его, русский хлеб, как сырой и тяжелый, то А. Шейдербауер вообще отказал ему в каких-либо достоинствах: «Существовала огромная разница, даже в то время, когда еще шла война, между тем, что мы считали хлебом, и хлебом, который выдавали нам русские. Его выпекали в формах, в жестяных ящиках, потому что из-за невероятно высокого содержания воды тесто обязательно бы растекалось. Но формы надо бы-

ло смазывать, и мы так никогда и не разрешили основной вопрос, делалось ли это с помощью керосина или моторного масла. Поверхностный слой, единственная пропеченная часть, имел зачастую отвратительный вкус и неприятный запах» (16).

Однако тот самый хлеб, чьи качества военнопленные и интернированные оценили столь невысоко, заставил себя уважать: И. Пехман, получивший в день своего 18-летия дополнительную порцию хлеба, признал, что это был самый дорогой подарок, а Х. Раушенбах констатировала, что хлеб в годы неволи стал их единственным утешением. Традиционно трепетное отношение к хлебу в России не могло не передаться иностранцам, поскольку он составлял основу их рациона, а вот культура потребления хлеба «аборигенами» продолжала оставаться чуждой: «Хлеб в России — главный продукт питания, который едят с каждым кушаньем. Здесь даже не знают, что хлеб можно нарезать тонкими ломтиками и чем-нибудь намазывать. Хлеб всегда нарезается толстыми кусками, которые потом отламывают маленькими дольками» (17).

Так или иначе, но и пленные, и интернированные быстро поняли, что значила расхожая фраза «Хлеб — всему голова». Лагерные будни многократно подтверждали, что хлеб в Стране Советов являлся мерилем всего, будучи самой твердой «валютой» и даже основой формирования внутрилагерной иерархии. «Добившимся положения в обществе» у военнопленных и интернированных считался тот, кто получал или «зарабатывал» больше хлеба, процедура, при которой клейкий «сталинский кирпичик» делился на части, превратилась в ритуал, а работа в лагерной «хлеборезке» стала пределом мечтаний для тысяч постоянно недоедавших людей.

При этом характерно, что даже в условиях постоянного недоедания пленные и интернированные сохранили способность изумляться лагерной «стряпне». Новый приступ культурного шока у И. Пехмана вызвала, к примеру, затянувшаяся на полтора месяца кукурузная диета (18), у Г. Баура — уха без малейшего намека на рыбу, которой заключенных Бутырки кормили 365 дней в году (19), у А. Шейдербауера — суп из брюквенных очисток. «Брюквенные очистки использовались на конном заводе в качестве корма для лошадей, — комментировал он предложенные военнопленным кулинарные «изыски», — и я не могу поверить, чтобы русские не знали об этом» (20).

Еще одним поводом для стресса стала повседневная и повсеместная антисанитария, преследовавшая пленных и интернированных с первых дней заключения. Неизменным его атрибутом были вши и клопы, расстаться с которыми, несмотря на регулярно проводившиеся дезинфекции, не было никакой возможности (21). Неудивительно, ведь по свидетельствам В. Биркемайера и И. Пехмана, даже умывание за недостатком, а то и отсутствием воды нередко оказывалось проблемой (22). Попытки добиться каких-то подвижек к лучшему заканчивались ничем, в чем, в частности, воочию убедился Г. Баур сотоварищи, которым однажды было заявлено, что они вполне могут обойтись и десятью зубными щетками на пятьдесят человек (23). В конце концов военнопленным и интернированным пришлось смириться с тем, что кое-как сооруженные из веток, коры и листвы укрытия служили для них палатками, доски, проложенные из одного конца барака в другой в не-

сколько этажей, — кроватями, старые консервные банки с проволокой вместо ручки — посудой, большая яма, кадка в углу помещения или дыра в полу с воронкообразной приставкой — туалетом, сено или солома — постельными принадлежностями. На этом фоне, однако, были и приятные неожиданности, к которым принадлежала русская баня. «Просто удивительно: в этой отдаленной деревне есть баня! — радовалась Х. Раушенбах неожиданному открытию, — Снаружи она выглядит как обыкновенная изба. Но внутри стоят большие, наполненные горячей водой корыта...» (24).

Унитарно-бедным и предельно аскетичным советский быт, к удивлению пленных и интернированных, оказался и вне лагерных бараков, особенно на селе: «Люди здесь очень бедные, это можно видеть по одежде и жилью. Но, тем не менее, у многих есть коровы, которые, как правило, живут вместе с людьми в их бедных жилищах, за перегородкой... На другом конце деревни мы впервые в жизни увидели, как люди живут в землянках... В помещении почти темно, окон нет, керосиновая лампа дает немного света...» (25).

Предметная сфера советского шокировала пленных и интернированных своим минимализмом с первого и до последнего дня их вынужденного соприкосновения с ней. Глядя на русских солдат, катавшихся по двору фермы на велосипедах, Х. Герлах с изумлением осознал, что, похоже, большинство из них никогда не сидело на велосипеде, и это занятие настолько поглотило их, что стало чуть ли не их новым национальным видом спорта (26). Другой казус с анекдотическим оттенком зафиксировал в своих воспоминаниях Г. Баур: «Однажды одному из заключенных в посылке прислали кокосовый орех. Ни один из трех присутствовавших при досмотре советских офицеров ни разу в своей жизни не видел кокосового ореха. Они трясли его и прислушивались к бульканью жидкости, которая находилась внутри него. Ага! Они пригласили лагерного плотника, чтобы он с помощью дрели просверлил в орехе дырочку. Жидкость вытекла. Что было делать? „Это просто консервы!“ Один из русских офицеров поспешил уверить в этом других и сказал: „Да, у нас тоже есть такие консервы. Их делают в Ленинграде!“ Все трое не могли понять, почему немцы так смеются...» (27).

Условия труда в Стране Советов также таили в себе массу неожиданностей. Больше всего военнопленных и интернированных поразила примитивность использовавшихся орудий труда и низкая механизация производства. На работах по возведению деревянных срубов не оказалось «знакомого еще с детства станка и плотничьего топорика», на прокладке железнодорожного полотна набивание основания путей галькой и укладывание шпал производились вручную, на погрузке и разгрузке леса вагоны передвигались посредством человеческой силы. Не случайно бесконечно тяжелый физический труд стал символом неволи, и после возвращения домой, глядя на транспорт, груженный лесом, И. Пехман, к примеру, почти автоматически крестился, памятуя о пережитом в плену. Поразительно, но даже нехитрая работа военнопленного-санитара в советском лагере превращалась в долгую и выматывающую процедуру из-за наличия в госпитале единственного градусника на всех (28).

Поскольку труд являлся неременной обязанностью пленных, физическая усталость вскоре стала постоянной, что закономерно порождало невеселые мысли, страхи и опасения. Перспектива серьезно заболеть была одной из самых пугающих; заболев же, оставалось только молиться, чтобы болезнь сопровождалась повышенной температурой, ведь у русских, как выяснилось, больным считался только тот, у кого она была (29). В любых других условиях это открытие вызвало бы снисходительную улыбку, но здесь и сейчас оно неприятно шокировало. Еще больше шокировала перспектива быть зарытым на лагерном погосте, и дело было не только в пугающей перспективе своей безвременной гибели. Смерть на войне была обыденностью и по инерции оставалась таковой и в плену, который для оказавшихся в советских лагерях людей воспринимался как продолжение войны. Ужасало другое. «Я до сих пор не могу забыть того кошмарного состояния, которое у меня было, когда я увидел своего умершего друга раздетым на санях», — писал И. Пехман о своем участии в захоронении пленного Ф. Бирбаумера (30). Вид безжизненного тела, незащитного своей наготой, страшил гораздо больше, чем вид убитых на поле брани солдат. Шок от увиденного усиливался с мыслью о том, что снятые с покойного вещи как казенное имущество сдавались «экономными» русскими на склад или продавались предприимчивой лагерной обслугой на рынке (31).

Вместе с тем следует отметить, что, если вещная сторона советской повседневности еще поддавалась пониманию, исходя из реалий послевоенного времени, то транскрибирование семантики социально-политических отношений являлось для военнопленных и интернированных проблемой. Соционормативная сфера советской культуры, предельно догматизированная и ритуализированная, была настолько богата загадками, что декодировать ее особым образом категоризованные и объективированные элементы было не просто. Наблюдателю в таком положении раскрывалось лишь то, что можно квалифицировать как церемониальное пространство культуры. В воспоминаниях пленных и интернированных назван целый ансамбль факторов, характеризовавших тупики политизированного советского мышления в их процессуальных проявлениях. Так, шок у иностранцев вызвали образы, которыми оперировала советская пропаганда, среди которых были и образы вчерашних «вождей» Третьего рейха: «...Портреты ведущих деятелей Германии, прежде всего изображение Гитлера... можно было узнать по прическе и усам, с дьявольской рожей, похожей на волчью, оскаливших зубы и пожирающих детей. Геринг был похож на свинью, украшенную орденами, у Геббельса были косяластые ноги, он бежал из Москвы на Запад по горящим русским деревням» (32).

Эскалация ненависти к врагу как инструмент мобилизации воющего общества была понятна вчерашним солдатам, но она, к их удивлению, продолжалась и в послевоенное время. Мобилизационные мотивы и модели поведения, видимо, глубоко укоренившиеся в общественном сознании, на бытовом уровне обретали свою конкретность в милитаризации повседневной жизни. Не без сарказма практически каждый бывший узник системы УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР подметил, что бесконечные построения и переклички составляли «культовое занятие

русских», своеобразный «пунктик» (33). Прикосновение к неожиданному проявлению чужой ментальности провоцировало новый приступ культурного шока: «...Мы думали о том, что с победой Красной Армии будет побежден и немецкий милитаризм. Мы не предполагали, что именно здесь столкнемся с настоящим ужасом» (34).

Необъяснимым курьезом казалось пленным и интернированным и то, что при любви русских к военной дисциплине, нормированию и регламентации порядка вокруг больше не становилось, скорее, наоборот. Плановое хозяйство и производственные нормы, по наблюдению Х. Герлаха, выглядели практически лишь на первый взгляд: тот, кто работал за двоих, получал двойную оплату, но, с другой стороны, поскольку главная задача состояла в том, чтобы выполнить работу в рекордные сроки, ее качество неизбежно страдало. Кроме того, система в целом была «обюрокрачена» настолько, что «начальник сидел на начальнике», почти не работая, а лишь преумножая всевозможную «бухгалтерию» (35). Разрыв между пропагандируемыми идеалами и действительностью очень быстро обнаружился и в стахановском движении. В его откровенно условном характере не понаслышке убедился И. Пехман, побывавший и в роли саботажника, и в роли передовика производства, ничем при этом не «отличившись» среди других ни в том, ни в другом случае (36).

В опытах по превращению пленных и интернированных в антифашистов или, по крайней мере, сочувствующих советскому режиму приоритет формы над содержанием был не менее очевиден. Однажды в преддверии 1 Мая, вспоминал И. Пехман, военнопленные «приобщились» к официальной советской «обрядовости», простояв на улице, на пронизывающем ветру, в течение нескольких часов: «При этом от всех присутствующих наций говорилось на всех языках. Сначала выступил русский офицер, затем венгерский, немецкий, румынский, а также выступали союзники этих наций, чаще всего это были офицеры. На все языки переводилось только русское обращение. В конце праздничного дня каждая группа должна была спеть кроме своего «интернационала» еще и политическую боевую песню. Около полудня этот праздник, наконец-то, закончился. После этого была еда получше прежней и после обеда мы были свободны» (37).

Донести до иностранцев сакральное значение действия никто не потрудился, равно как и в ситуации прибытия в лагерь комиссии. Само это слово вызывало у русских волнение и трепет: «Комиссия была поводом для того, что все должны раздеться догола, прежде всего убирались к приходу комиссии следы уничтожения клопов. Для этого нары пропитывались керосином, ужасная вонь! Жилища заново белили, и под страхом наказания была запрещена расправа с клопами, пока не кончится комиссия... Даже пол необходимо было циклевать, пускай и осколками стекол, — дурацкая работа! В такой день давали даже особую еду. А потом проходила комиссия, в большинстве случаев с генералом во главе, по баракам, не говоря пленным ни слова и не интересуясь их пожеланиями и жалобами, одна показуха!» (38). Подобные вещи шокировали тотальным безразличием, которое выказывалось заключенным, что усиливало у них чувства бесправия и беспо-

мощности, социальной некомпетентности и одиночества. Это, однако, не помешало пленным и интернированным вникнуть в существо советского социально-политического строя, наиболее четко обозначенное в мемуарах В. Биркемайера: «Ну и система в этом государстве рабочих и крестьян! В малейшей личной инициативе обязательно подозревают какой-то тайный умысел, которому во что бы то ни стало надо воспрепятствовать» (39).

Пытаясь преодолеть психологический дискомфорт, вызванный культурным шоком как необходимостью на время отказаться от «своего» и принять «иное», военнопленные и интернированные были вынуждены мобилизовать все имевшиеся в запасе духовные и физические потенции. Защитная реакция на агрессивное воздействие незнакомой социокультурной среды вызвала такой вполне симметричный ответ, как негативная адаптация, главным проявлением которой стала убежденность пленных и интернированных в их культурном превосходстве над русскими. В ход при этом были пущены как старые стереотипы, так и актуальные наблюдения. Реплики типа «у Бога и русских все возможно», «смотрите, чтобы русские ничего не стащили», «русские работают плохо», «русские — чемпионы мира по импровизациям», «у русских все процессы носят хаотичный характер», «в этом безбожном обществе о чувстве стыда совсем позабыли», «контраст между Россией и западными нациями очевиден» и т.д. и т.п. наглядно демонстрируют, как постепенно формировался негативный образ чужого для вынужденных мигрантов мира (40).

Шутки, анекдоты и едкие замечания про «аборигенов» на самом деле были лекарством, имевшим побочный эффект. С одной стороны, они были прививкой, необходимой для иммунизации пленных от кризиса идентичности, но с другой — способствовали дезинтеграции лагерного сообщества по этнокультурному принципу. Немецкоязычные пленные оценивали свою культуру как лучшую не только по отношению к местной. По их мнению, совершенно «бескультурными» были и румыны, и поляки, и венгры, и молдаване, и японцы, к тому же все они «страдали» от врожденной лени (41).

В плену родная страна казалась поистине раем земным, и тоска по ней заставляла искать среди «солагерников» земляков, с которыми можно было поговорить о доме. «...Уже это, — пишет И. Пехман, — давало почувствовать, что мы больше не одиноки» (42). Более того, в бесконечных разговорах о родине можно было на время забыть, мысленно отгородившись окружением «своих» от враждебной реальности. Реализация стратегии изоляции проявлялась еще и в том, что в пределах лагерных зон пленные, которым, как и прочим советским зекам, было дозволено самоуправление, воссоздавали, где это было возможно, островки немецкого порядка и благоустройства: разбивали газоны, устраивали спортивные площадки, отмечали праздники и памятные даты и пр.

Однако действие культуры носит принудительный характер, и без конца находиться с ней в конфликте еще никому не удавалось. Не удалось это и узникам УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР, вынужденным, осознанно или нет, постигать особенности советского социокультурного ландшафта. Адаптация пленных и ин-

тернированных в той ее части, которую позволительно квалифицировать как позитивную, началась с усвоения ими — в основном «попугайным способом» (термин А. Шейдербауера) — определенного набора лексических единиц. Язык пленных и интернированных превратился в поле активного словотворчества, где возникли словообразования, которые можно квалифицировать как окказионализмы и приближающиеся к ним слова, способные исчезать и снова появляться как новые в любом языке. При этом «инкрустации» русизмов в разговорной речи военнопленных и интернированных в силу закона экономии речевых усилий ограничивались в основном несложными конструкциями. «Мы выучили только те русские слова и выражения, — констатировал И. Пехман, — которые мы слышали и которые для нас были важными» (43). В результате сложилась весьма специфическая социоречевая практика, анализ которой позволяет сегодня безошибочно выявить те точки, где контакт иностранцев с инокультурной средой оказался наиболее тесным (44).

Помимо смягчения языкового барьера, адаптация военнопленных и интернированных предполагала включение механизмов повышенного самоограничения и саморегуляции. Не вникая в суть культурных различий, люди пытались контролировать собственные слова и действия, дабы они не были истолкованы «неправильно». Чаще всего процедура «вписывания» в пространство чужого сводилась к воспроизводству тех поведенческих схем, которые оно навязывало, заставляя пленных и интернированных либо откровенно «обезьянничать», либо попросту молчать, ничем не выдавая их истинного отношения к происходящему. Так, во время представления в лагерном клубе самодеятельных номеров, поставленных с участием антифашистов, остальные вынуждены были аплодировать высмеиванию своего бывшего вождя и притворяться, будто они никогда о нем по-другому и не думали. На митинге, приуроченном к отправке пленных на родину, они предпочли «хором» промолчать, когда один из советских офицеров взывал к их чувству благодарности Советскому Союзу, которому они «задолжали в день по 50 копеек» (45).

Источники свидетельствуют, что арсенал методов борьбы пленных и интернированных с культурным шоком оставался достаточно скромным, как и их успехи на поприще адаптации. Институциональный дизайн советского плена и интернирования, определявшийся логикой геттоизации, предохранял от столкновения с чужим и иностранцев, и «аборигенов». Даже при условии более или менее успешного овладения русским языком и достижении приемлемого уровня повседневной компетентности среда не принимала чужаков и «выталкивала» назад, в ту среду, которую можно назвать «невидимым гетто» — в круг соплеменников и «сокультурников». Именно это, однако, застраховало военнопленных и интернированных от проблем самоидентификации, которые в других условиях могли иметь продолжение в процессах маргинализации и аномии (психическое состояние, когда для человека ничто не свято и не обязательно).

В заключение хочется сказать, что культурный шок или стресс аккультурации, безусловно, не относится к приятным ощущениям, но худа без добра, как известно,

не бывает. Выводя из душевного равновесия, нарушая привычный и удобный ход вещей, стрессогенное воздействие чужого побуждало пленных и интернированных принимать меры либо направленные на возвращение утраченного баланса, либо ведущие к новой ступеньке самоактуализации личности, к новому этапу в циклах обновления, которым подвержен человек при смене эпох, обстоятельств и окружения. Обретенный в годы неволи опыт не только закалял тело и укреплял дух, но и расширял горизонты человеческого восприятия. Сами того не замечая, пленные и интернированные начинали лучше понимать источники собственного этноцентризма и приобретали новые взгляды на природу культурного многообразия. Привитая не самым гуманным образом терпимость к иному учила жить в постоянно меняющемся мире, где этнополитические границы имеют все меньшее значение и все большую роль играют непосредственные контакты между людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В названии использована цитата из книги: *Герлах Х. В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого пленного. 1945—1946 гг.* — М., 2007. — С. 114. Требуется пояснить, что на самом деле Х. Герлах был не пленным, а интернированным.
- (2) *Oberg K. Culture shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology.* — 1960. — № 7. — P. 177—182.
- (3) *Adler P. The Transitional Experience: An Alternative View of Cultural Shock // Journal of Humanistic Psychology.* — 1975. — № 15. — P. 13—23; *Berry J.W. Psychology of Acculturation // J. Berman (Ed.). Cross-Cultural Perspectives: Nebraska Symposium on Motivation.* — Lincoln, 1990. — P. 457—488; *Berry J.W., Annis R.C. Acculturative Stress: The Role of Ecology, Culture and Differentiation // Journal of Cross-Cultural Psychology.* — 1974. — № 5. — P. 382—406; *Berry J.W., Kim U., Minde T., Mok D. Comparative Studies of Acculturative Stress // International Migration Review.* — 1987. — № 21. — P. 491—511; *Bochner S. (Ed.). Cultures in Contact.* — Oxford, 1982; *Bock Ph.K. (Ed.). Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology.* — N.Y., 1970; *Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological Reactions to Unfamiliar Environments.* — L., 1986; *Preston J. Cultural Shock and Invisible Walls // SUNY International Programs Quarterly.* — 1985. — № 1 (3/4). — P. 28—34; *Redden W. Culture Shock Inventory Manual.* — New Brunswick, 1975.
- (4) УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР — Управление (с января 1945 г. — Главное управление) по делам военнопленных и интернированных, созданное в структуре НКВД СССР в сентябре 1939 г. и ликвидированное в 1953 г. с передачей его функций и контингентов Тюремному управлению МВД СССР.
- (5) *Баур Г. Русский плен // Герлах Х. В сибирских лагерях...* — С. 183—238; *Биркемайер В. Оазис человечности № 7280/1: Воспоминания немецкого военнопленного.* — М., 2005; *Герлах Х. В сибирских лагерях...; Раушенбах Х. Ссылка в Сибирь: Ich war verchleppt nach Sibirien.* — Шадринск, 2000; *Шейдербауер А. Жизнь и смерть на Восточном фронте. Взгляд со стороны противника.* — М., 2007; *Пехман И. «Давай, давай!». Мой плен на Урале 2 мая 1945 — 17 декабря 1947 // Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1945—1956).* — Екатеринбург, 2006. — С. 346—402.
- (6) См.: *Биркемайер В. Оазис человечности...* — С. 24—25; *Раушенбах Х. Ссылка в Сибирь...* — С. 21—23; *Шейдербауер А. Жизнь и смерть...* — С. 300; и т.д.
- (7) *Пехман И. «Давай, давай!»...* — С. 349.
- (8) Там же. С. 384—385.
- (9) *Раушенбах Х. Ссылка в Сибирь...* — С. 76.
- (10) *Пехман И. «Давай, давай!»...* — С. 353. См. также: *Биркемайер В. Оазис человечности...*

- (11) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 22, 95.
- (12) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 7.
- (13) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 145.
- (14) Там же.
- (15) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 357, 360. См. также: *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 66.
- (16) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 20, 58; *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 298.
- (17) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 58, 89; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 363.
- (18) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 364.
- (19) *Баур Г.* Русский плен... — С. 191.
- (20) *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 294.
- (21) *Баур Г.* Русский плен... — С. 188—189; *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 39; *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 23, 29; *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 325; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 354, 357.
- (22) *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 93; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 371—372.
- (23) *Баур Г.* Русский плен... — С. 190.
- (24) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 34.
- (25) Там же. — С. 35.
- (26) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 28.
- (27) *Баур Г.* Русский плен... — С. 225.
- (28) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 77, 78; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 362, 367, 370, 379, 390, 394.
- (29) *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 34; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 379.
- (30) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 374—375. См. также: *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 28, 66—67; *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 305.
- (31) *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 72, 74.
- (32) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 352.
- (33) *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 30; *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 63; *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 26; *Шейдербауер А.* Жизнь и смерть... — С. 324.
- (34) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 371.
- (35) *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 230; *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 78, 116, 136.
- (36) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 376, 380, 396.
- (37) Там же. С. 377.
- (38) Там же. С. 393. См. также: *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 60.
- (39) *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 100.
- (40) *Баур Г.* Русский плен... — С. 229, 234; *Биркемайер В.* Оазис человечности... — С. 121, 125; *Герлах Х.* В сибирских лагерях... — С. 123, 134; *Раушенбах Х.* Ссылка в Сибирь... — С. 42, 93; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 369, 380, 384.
- (41) *Герлах Х.* В сибирских... — С. 74, 1014; *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 369—370, 372, 374, 376.
- (42) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 358. См. также: *Баур Г.* Русский плен... — С. 202, 203.
- (43) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 389.
- (44) См. об этом: *Суржикова Н.В.* Русские языковые вкрапления в речи немецко-говорящих военнопленных Второй мировой войны // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. — Тюмень, 2005. — С. 119—121.
- (45) *Пехман И.* «Давай, давай!»... — С. 381, 399.

**«WE WERE SHOCKED»:
SOVIET CAPTIVITY AND INTERNMENT
AS ACCULTURATION STRESS**

N.V. Surzhikova

Institute of History, Archeology and Ethnology
Ural Department of Russian Academy of Sciences
Rosa Luxemburg Str., 56, Ekaterinburg, Russia, 620026

N.V. Surzhikova's article based at the specific source type — memories — covers social and cultural issues of the Soviet captivity and internment. The author analyses manifestation of cultural shock or a stress of acculturation that proceeded from the direct contact of the prisoners and interned persons with another cultural conditions as well as mechanisms and limits of their adaptation.

Key words: memories, war prisoners, interned persons, cultural shock, acculturation stress, psychological discomfort, adaptation.